

10-703
Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Л. Мельшинъ

(П. Ф. Якубовичъ).

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

ЗАПИСКИ БЫВШАГО КАТОРЖНИКА.

Томъ I.

Въ преддверіи. — Шелаевскій руд-
никъ. — Ферганскій орленокъ. —
Одиночество.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская, д. № 34.

1907.

10
5 703
Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Л. Мельшинъ .

(П. Ф. Якубовичъ).

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

ЗАПИСКИ БЫВШАГО КАТОРЖНИКА.

Томъ I.

Въ преддверіи. — Шелаевскій руд-
никъ. — Ферганскій орленокъ. —
Одиночество.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская, д. № 34.

1907.

ФЕРГАНСКІЙ ОРЛЕНОКЪ.

Въ каждой тюрьмѣ можно замѣтить кучку арестантовъ, держащихся въ сторонѣ отъ общей тюремной жизни, замкнуто и отчужденно отъ большинства товарищей. Это инородцы-магометане,—киргизы, сарты, узбеки, татары (русскіе арентанты всѣхъ ихъ безъ различія называютъ «татарами», такъ же, какъ всѣхъ уроженцевъ Кавказа—«черкесами»).

Въ свободное отъ работы время они или сидятъ гдѣ-нибудь въ уголку, съ грустнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ монотоннопѣвучему, нѣсколько гнусавому чтенію своего муллы изъ Корана, или расхаживаютъ по тюремному двору степенно-тихою, почти торжественною поступью и ведутъ между собою таинственный, то же, какъ-будто, грустный разговоръ.

Но мнѣ всегда казалось, что самую серьезною преградой къ сближенію мусульманъ-арестантовъ съ христіанскимъ большинствомъ является незнаніе ими русскаго языка, а отнюдь не религіозный фанатизмъ. Какъ только магометанинъ научается понимать русскую рѣчь и владѣть ею, взаимное отчужденіе быстро исчезаетъ, и онъ почти сливается съ общою арестантскою массою. Къ сожалѣнію, у большинства инородцевъ нѣтъ ни стимуловъ, ни желанія учиться по-русски, такъ какъ каждый изъ нихъ постоянно мечтаетъ о возвращеніи на родину. Изъ вольныхъ командъ и съ поселенія они бѣгутъ сразу цѣлыми десятками, при чемъ большая часть гибнетъ въ пути, или снова попадаетъ въ тюрьму, и только рѣдкимъ единицамъ удается пробраться въ Хиву, Бухару и даже въ Афганистанъ.

Особенной непріязнью русскихъ арестантовъ пользуются почему-то сарты, среди которыхъ можно различить два главныхъ

типа: одни угрюмы, молчаливы и откровенно лѣнны; другіе, напротивъ, болтливы, веселы, но лукавы и искусно умѣютъ отлынивать отъ работы, сваливая ее на товарищей. Я помню одного такого сарта, молодого здоровеннаго толстяка, съ черной окладистой бородой, потѣшавшаго своей болтовней всю тюрьму. Онъ любилъ рассказывать о своихъ походахъ на волѣ и, хитро подмигивая, самъ про себя говорилъ, что Айдаръ Якубайка былъ «мошенчикъ, балшой мошенчикъ», что если «урусь» поймалъ и посадилъ его въ тюрьму, то отъ этого онъ только «лючёнѣ», т. е. ученѣ сталъ, и когда выйдетъ опять на волю, то урусамъ плохо придется. Якубайка былъ забавенъ, смѣшливъ, любознателенъ, ко всякому разговору прислушивался и, не смотря на плохое знаніе языка, всегда какъ-то умудрялся что-нибудь понять. Эти качества могли бы снискать ему общее расположеніе арестантовъ, если бы не ужасная лѣнность и хитрость во время работъ, гдѣ онъ показывалъ только видъ, что работаетъ, а всякую тяжесть сваливалъ на другихъ; къ этому присоединялась отвратительная жадность, обидчивость и сварливость. Онъ поминутно вступалъ въ драки и, при всей своей силѣ и дородствѣ, часто бывалъ при этомъ битъ, такъ какъ былъ неуклюжъ и комично-неповоротливъ; то проламывали ему голову, то вырывали клокъ волосъ изъ бороды... И нужно было видѣть Якубайку во время драки: онъ превращался тогда въ настоящаго звѣря, оскаливалъ зубы, страшно выворачивалъ бѣлки глазъ, рычалъ и визжалъ подобно тигру. Къ чести его я долженъ, впрочемъ, сказать, что злопамятствомъ онъ не отличался: черезъ два часа онъ уже не помнилъ такихъ обидъ, за которыя русскіе арестанты, по крайней мѣрѣ на словахъ, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ мечтаютъ отомстить. Выпущенный въ вольную команду, Айдарка немедленно бѣжалъ и, говорятъ, былъ убитъ степными тунгусами. Вѣроятно, хотѣлъ что-нибудь «скорочить» (украсть), но шелайское «люченѣ» не пошло въ прокъ: тунгусы оказались лучшими «мошенчиками», чѣмъ онъ...

Гораздо симпатичнѣе были киргизы, или, какъ сами они себя называли, кыргызы.

Я любилъ наблюдать этихъ дѣтей природы, почти не затронутыхъ европейской городской культурой. Среди нихъ попадались лица съ тонкими, деликатными чертами, съ благороднымъ очеркомъ лба и нѣжнымъ выраженіемъ глубокихъ бархатистыхъ глазъ, съ изящными нерабочими руками. При видѣ этихъ удивитель-

ныхъ фигуръ, вышедшихъ изъ глубины нашихъ оренбургскихъ и туркестанскихъ степей, мнѣ часто вспоминались индѣйскіе романы Купера, трогательная исторія послѣдняго изъ Могиканъ... Такъ, врѣзались мнѣ въ память братья Стамбеки—Теленчи и Эскамбай. Они пришли въ каторгу за грабежи каравановъ и неоднократно угонъ чужого скота. Теленчи былъ старшій и имѣлъ одинъ изъ тѣхъ симпатичныхъ обликовъ, о которыхъ я только что говорилъ: гибкій и тонкій станъ, длинное, смуглое, европейскаго типа, лицо съ небольшою эспаньолкой и глубокими задумчивыми глазами. Онъ былъ слабъ и хрупокъ и, пользуясь правами старшаго брата (*арѣ*), почти не работалъ. Эскамбай исполнялъ обыкновенно двойной урокъ—и за себя, и за него. Эта нѣжность братскихъ отношеній страшно возмущала кобылку, и на Теленчи сыпались всюду ругательства и попреки:

— У, лѣнивая татарская лопатка! Все только на братѣ ѣздишь? Радъ, что дурака нашелъ!

Теленчи былъ молчаливъ и постоянно грустенъ. Если бы можно было, онъ, кажется, съ зари до зари лежалъ бы на нарахъ, не поднимаясь съ мѣста. Но спалъ онъ мало, и часто ночью я видѣлъ открытыми его длинныя рѣсеницы, изъ-подъ которыхъ задумчиво глядѣли большіе темные глаза. Эскамбай спалъ безмятежно, а Теленчи все думалъ...

Эскамбай имѣлъ совсѣмъ другой характеръ и даже другія черты лица, болѣе грубыя, болѣе отвѣчающія монгольскому типу: выдающіяся скулы, желтоватый цвѣтъ кожи, нѣсколько вкось поставленные глаза. Пара выбитыхъ переднихъ зубовъ придавала ему совсѣмъ дикарскій видъ. Но всѣ эти недостатки выкупались замѣчательно добрымъ, дѣтеки-веселымъ нравомъ. Эскамбай былъ добръ и услужливъ не только по отношенію къ брату, но и ко всѣмъ, кто только безъ злобы къ нему относился. Такъ, онъ находился въ большой дружбѣ съ Чиркомъ, который съ своей стороны благоволилъ къ нему, Забравшись къ нему подъ нары, Эскамбай лаялъ оттуда, какъ настоящая собака, блеялъ, какъ чистокровный баранъ, и куковалъ, какъ самая несомнѣнная кукушка. Чирокъ не выдерживалъ, вскакивалъ и начиналъ выгонять обидчика изъ-подъ наръ ремнемъ, крича:

— Ахъ ты, татарская лопатка! Гадъ! Творенье!

А Эскамбай рычалъ оттуда по своему:

— У, идъ палась! Кучукъ палась (собачій сынъ)!

И вся камера помирала со смѣху.

Тотъ же Чирокъ обучалъ Эскамбая просить милостыню въ русскихъ деревняхъ.

— Вѣдь безпремѣнно пойдешь по бродяжеству, ужъ я хорошо знаю вашу звѣриную породу. Только выйдешь въ команду, сейчасъ котель на плечи—и айда домой!

И Эскамбай, лукаво улыбаясь этому пророчеству, учился у него «стрѣлять подъ окнами» и «собирать саватейки» *), кланаясь въ поясъ и уморительно выговаривая:

— Матушки, батушки, подайте мылостынку Бога рады!..

Стамбеки, дѣйствительно, бѣжали впоследствии изъ вольной команды, и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ мнѣ ничего неизвѣстно.

При переводѣ въ № 1 я съ радостью увидѣлъ сосѣдомъ своимъ по нарамъ молодого узбека Усанбая Маразгалі, давно уже привлекавшаго мои симпатіи и сожалѣнія. Было что-то особенное, не передаваемое словами, въ этомъ гибкомъ, граціозномъ существѣ, въ его легкой походкѣ, въ лицѣ, то юномъ и жизнерадостномъ, то вдругъ словно поблекшемъ и постарѣвшемъ, съ замѣтными морщинками на щекахъ, съ горькимъ выраженіемъ въ углахъ губъ и въ черныхъ прекрасныхъ глазахъ. Я усердно разспрашивалъ арестантовъ, и, къ удивленію моему, оказалось, что почти вся тюрьма благосклонно относится къ этому странному юношѣ.

— Это Усанка-то?—говорилъ старикъ Гончаровъ. — Да одного только его изъ всего этого звѣрья и видалъ я за всю жизнь, что мало-мало на человѣка находить. Этотъ совсѣмъ отъ ихняго брата особый. Мы-то всѣхъ зовемъ ихъ ровно—татарами да сартами, а по настоящему Усанка не сартъ. Онъ сердчаетъ даже, когда его сартомъ зовутъ: «Моя, говорить, узбекъ, а сартовъ наши сторона тоджи не любятъ». И чудной же парень этотъ Усанка, весельчакъ такой, забавникъ. Его и въ дорогѣ вся партія любила... Лѣни этой, что въ Якубайкѣ сидитъ, въ немъ, помни, и слѣда нѣтъ: и за себя сробить, и другому еще подсобить норовить. Я и то часто ему говорю: чего ты, Усанъ, надрываешься? Изъ нашихъ тоже вѣдь лодырей сколь хошь есть... Въ каторгѣ не надо себя черезъ силу нудить... Только смѣется, рукой машетъ: «Лядно! моя не боится!» А какое лядно: самъ, помни, совсѣмъ больной! Онъ вѣдь избитый весь... Съ дороги у нихъ побѣгъ былъ, въ ихней еще сто-

*) Попрошайничать—на арестантскомъ жаргонѣ.

ронѣ; отца-то и брата солдаты убили, да и самъ при смерти былъ... Другой разъ такъ закашляется, бѣдняга, ажно смотрѣть тошно... За грудь схватится: «Тутъ, говоритъ, больно». Славный парень, безхитрошный, нечего говорить!

Въ рудникѣ Маразгали не назначали, и потому я долго не имѣлъ случая познакомиться съ нимъ покороче, встрѣчаясь большею частью лишь на повѣркахъ; но въ тюрьмѣ ни о комъ чаще не говорили арестанты, какъ объ Усанѣ, о томъ, какой онъ безхитростный на работѣ, какъ черезъ силу тянется, не желая понять, что и «изъ нашего брата тоже вѣдь есть подлецы». Всѣ единогласно хвалили также его веселость и любовно передразнивали плохой выговоръ русскихъ словъ. Между прочимъ, прошелъ однажды по тюрьмѣ слухъ, что Маразгали замѣчательно искусный борець, и что въ кухнѣ, въ борьбѣ на кушакахъ, онъ повалилъ подъ-рядъ троихъ русскихъ силачей, отъ которыхъ никто не ожидалъ такого срама. Тюрьма заволновалась. Большинство было въ восторгѣ отъ Усанбая и подзадоривало его къ дальнѣйшимъ подвигамъ; меньшинство же, тѣ, которые сами претендовали на славу хорошихъ борцовъ, негодовали, увѣряя, что только мараться не хотятъ, а то сразу могли бы «кишки выпустить татарскому гаденьшу»... А Усанбай положилъ, между тѣмъ, одного за другимъ на полъ еще съ пятокъ хвастуновъ, изъ которыхъ многіе были вдвое тяжелѣе его и больше; но онъ бралъ подвижностью и ловкостью своего гибкаго, молодого тѣла. Наконецъ, противники привели въ кухню самого Андрюшку Борца, дѣтину страшнаго роста и огромной силы. Его насилу, впрочемъ, уговорили—онъ трусилъ... Не понадѣявшись, должно быть, на свою силу, Андрюшка прибѣгъ къ подлой хитрости: не предупредивъ о способѣ, какимъ станетъ бороться, онъ вдругъ съ легкостью мячика перебросилъ Маразгали черезъ голову... Дѣлается это ужасно рискованно, прямо по-варварски: послѣ нѣсколькихъ примѣрныхъ эволюцій, одинъ изъ борющихся внезапно падаетъ впередъ на одно колѣно, а ошеломленнаго неожиданностью противника съ силой перекидываетъ въ то же время черезъ собственную голову. Нерѣдки, говорятъ, случаи смертельныхъ исходовъ такой борьбы... Несчастный Маразгали сильно ударился плечомъ объ лежавшее на полу полѣно и долго послѣ того хворалъ. Противъ Андрюшки ополчилась вся тюрьма, но самъ пострадавшій только улыбался и, корчась отъ боли, говорилъ:

— Ничего, ничего, лядно.

Подвиги борьбы, однако же, прекратились послѣ этого случая. Я всячески старался сблизиться съ Маразгали, но странное дѣло: веселый и развязный съ другими арестантами, вѣчно съ кѣмъ-нибудь шутившій и возившійся, меня онъ почему-то конфузился и избѣгалъ, отдѣлываясь обыкновенно ничего не значащими фразами и спѣша убѣжать. Подражая арестантамъ, онъ долгое время даже называлъ меня на *вы*, хотя это было вполне чуждо его родному языку, и не иначе обращался ко мнѣ, какъ со словомъ «гас-падинъ». Когда я, случалось, заходилъ къ нему въ камеру, то, не имѣя возможности куда-нибудь скрыться, конфузясь и отворачиваясь, онъ волей-неволей принужденъ бывалъ вступать со мною въ бесѣду. Къ намъ присосѣживался какой-нибудь доброволецъ, являвшійся въ затруднительныхъ случаяхъ переводчикомъ; Маразгали уморительно-плохо говорилъ по-русски, и часто я буквально ничего не понималъ изъ его рѣчей. Но, дойдя до исторіи своего побѣга, онъ обыкновенно оживлялся, переставалъ смущаться и съ горящими глазами и бурными жестами рассказывалъ о томъ, какъ онъ побѣжалъ, какъ въ него выстрѣлили... Онъ упалъ... На него налетѣлъ солдатъ со штыкомъ... Онъ вскочилъ, схватился за ружье и сталъ защищаться... Защищаясь, укусилъ солдату руку, и тотъ съ крикомъ убѣжалъ прочь... Тогда примчалась цѣлая орава новыхъ солдатъ, его повалили и искололи штыками... Плохо понимая слова, я, тѣмъ не менѣе, живо представлялъ себѣ этого молодого тигренка, который, будучи окруженъ врагами и ни откуда не видя спасенія, визжалъ, царапался и кусался, дорого продавая свою жизнь и свободу...

Потомъ Маразгали переходилъ къ самому больному мѣсту своей исторіи. Съ дороги онъ написалъ матери о томъ, что отецъ и братъ убиты, а ему самому срокъ каторги увеличенъ съ двухъ до десяти лѣтъ. Но мать, по его словамъ, вернула это письмо, не желая вѣрить, что писалъ его Усанбай, а не какой-нибудь «обманчикъ».

— Не вѣрять... Ну, пуцай не вѣрять!—съ горечью восклицалъ Усанъ, сердито махая рукой, а на глазахъ его стояли слезы.

По сбивчивымъ рассказамъ его самого и плохой передачѣ самозванныхъ переводчиковъ, только это небольшое и могъ узнать я о прошломъ Маразгали. Однажды дошелъ до меня слухъ, будто

онъ выказываетъ необыкновенную понятливость въ грамотѣ и уже усвоилъ самоучкой половину русской азбуки. Я съ радостью ухватился за это обстоятельство и тотчасъ же предложилъ Маразгали учиться со мной. Услыхавъ это, онъ почему-то страшно смутился и началъ умолять меня оставить его въ покоѣ.

— Гас-падинъ! Поджалуста, не надо, поджалуста!

Я приставалъ, убѣждалъ учиться, увѣряя, что самъ онъ потомъ радъ будетъ, когда пойдетъ на поселеніе грамотнымъ челоувѣкомъ. Маразгали слушалъ молча, отвернувшись, а потомъ опять шепталъ:

— Не надо, гас-падинъ, лютче не надо!

Я замѣтилъ даже слезы у него на глазахъ и пересталъ убѣждать.

— Это все штуки ихняго муллы Сафарбаева, — сказалъ мнѣ одинъ русскій, слышавшій нашъ разговоръ:—онъ запрещаетъ имъ учиться по-русски.

Я отправился немедленно къ Сафарбаеву, молодому еще сарту, который лучше другихъ шелайскихъ магометанъ читалъ по-арабски и зналъ Коранъ, почему и считался среди нихъ муллою, и прямо задалъ вопросъ: не по его ли совѣту Маразгали не хочетъ учиться русской грамотѣ? Мулла, размѣявшись, объяснилъ мнѣ, что магометанскій законъ не запрещаетъ никакихъ наукъ и языковъ, и общалъ съ своей стороны поговорить въ этомъ смыслѣ съ Маразгали. Но вскорѣ случилось новое размѣщеніе арестантовъ по камерамъ, и Маразгали очутился неожиданно моимъ сожителемъ и сосѣдомъ. Сближеніе наше произошло послѣ этого очень быстро, и мы сдѣлались друзьями.

Сожителемъ Усанъ былъ незамѣнимымъ, веселымъ, всегда вѣжливымъ и услужливымъ. Всѣ арестанты его любили и рѣзко выдѣляли изъ остальной массы магометанъ, не пользовавшихся въ большинствѣ симпатіями; да и самъ Маразгали стоялъ какъ-то въ сторонѣ отъ нихъ, рѣдко подходя къ ихъ кучкамъ и невнимательно вслушиваясь въ гнусливое чтеніе муллы изъ священной книги. Онъ, вообще, не умѣлъ долго сосредоточивать вниманіе на одномъ какомъ-либо предметѣ. Когда я снова предложилъ ему обучаться русской грамотѣ, онъ съ радостью согласился, объяснивъ прежнее свое нежеланіе тѣмъ, что очень меня боялся и, считая себя почему-то неспособнымъ, думалъ, что я буду за это сердиться... Умѣя читать по-арабски, онъ скоро усвоилъ русскую азбуку и

склады, даже научился довольно правильно писать тѣ слова, которыя я ему диктовалъ. Но, увы! плохое знаніе русскаго словаря не позволяло ему понимать прочитанное, и этимъ сильно охлаждалось рвеніе къ ученію. Для того же, чтобъ скоро научиться говорить по-русски, ему бы нужно было совсѣмъ не жить въ одной камерѣ съ татарами, а этого почти никогда не случалось. Въ концѣ концовъ, онъ такъ и не научился правильно говорить, хотя читалъ и писалъ недурно.

Вскорѣ я обстоятельно узналъ его грустную исторію.

Онъ былъ родомъ изъ Ферганской области, изъ окрестностей города Маргелана, гдѣ родители его занимались земледѣліемъ и разведеніемъ фруктовъ. Въ самый городъ они изрѣдка ѣздили по торговымъ дѣламъ. Семья, состоявшая изъ отца, матери и двухъ сыновей, жила очень дружно. Родителей огорчалъ только старшій сынъ Марасиль, научившійся пить водку и играть въ кости. За это Норбюта Маразгали, отецъ Усанбая, часто жестоко билъ Марасила, но тотъ не унимался. Скоро онъ вошелъ въ долги, которыхъ отецъ не хотѣлъ уплачивать, и однажды ночью киргизъ, которому Марасиль проигралъ въ кости значительную сумму, подкрался къ ихъ жилищу, схватилъ лучшаго коня и поскакалъ въ степь. Норбюта однако замѣтилъ покражу, разбудилъ сыновей, и всѣ трое верхами помчались въ погоню за похитителемъ. Они догнали его подлѣ самой его деревни, и Марасиль первый свалилъ противника съ ногъ ударомъ кистеня по головѣ. Маразгали-отецъ отрубилъ ему голову шашкой. Усанбай клялся и божился, что самъ онъ не билъ киргиза, а ограничился тѣмъ, что подаль отцу шашку; впрочемъ, онъ вполне одобрялъ убійство, и когда я начиналъ съ нимъ спорить, — полусмѣясь, полусерьезно говорилъ:

— Зачѣмъ жить такой человѣкъ, Николаичикъ (такъ называлъ онъ меня, не умѣя выговорить «Николаевичъ»); арестанта Канаревича, жившаго въ нашей же камерѣ, онъ называлъ Канарейчикомъ)? Воровать, карты играть... Зачѣмъ жить?

— Да вѣдь и Марасиль въ карты игралъ?

— Марасиль помирь... Богъ наказилъ его.

— А ты самъ, Усанбай, никогда не пробовалъ играть?

— Пробовалъ, Николаичикъ,—говорилъ онъ смущенно, виноватымъ голосомъ:—разъ пять рублей кости приигралъ... дорога шель... Алгачи тоджи разъ карты рупъ приигралъ...

— Нехорошо, Усанъ!

— Да я такъ, Николаичикъ... Я не умѣю... Чортъ знайть! Ничего не умѣю карты!

Когда убійство совершилось, начиналось уже утро, и убійца видѣлъ проѣзжіи киргизъ. Норбюта съ сыновьями былъ вскорѣ арестованъ и осужденъ: самъ онъ на 15 лѣтъ каторги, Марасиль на 10, а Усанбай, какъ несовершеннолѣтній, на два года. Безъ слезъ не могъ онъ вспомнить сцену прощанія съ матерью, которую, видимо, страстно любилъ. Да и самъ онъ былъ ея любимымъ сыномъ. Кто-то изъ арестантовъ похвалилъ однажды волосы Маразгали, нѣсколько вьющіеся и черные, какъ вороново крыло, съ синеватымъ отливомъ. Онъ оживился и сталъ рассказывать, какъ дома у него, по обычаю ихъ религіи, вся голова была бритая, только на макушкѣ оставался длинный локонъ-оселедецъ.

— Мать оставилъ, мать,—говорилъ онъ объ этомъ локонѣ:—глинный, глинный, вотъ такой... Ахъ, какъ мать плакала—прощался, лицо себѣ царапиль, въ кровь царапиль, кричала... Ахъ, какъ онъ кричалъ, мать!..

И каждый разъ, подойдя къ этому мѣсту рассказа, онъ замолкалъ, сибшилъ уткнуться носомъ въ подушку и тамъ глубоко вздыхалъ... Сильное душевное волненіе, радостное или горестное, онъ выражалъ также комичнымъ прищелкиваніемъ языка.

Въ партіи Маразгали было тридцать два человѣка узбековъ, сартовъ и киргизовъ, конвойныхъ же солдатъ всего лишь восемнадцать. На третьемъ или четвертомъ станкѣ отъ города Вѣрнаго, гдѣ происходила дневка, замышленъ былъ побѣгъ. Конвой, ничего не подозрѣвая, уставилъ ружья въ козлы въ той-же камерѣ, гдѣ были арестанты, и усѣлся играть въ карты; только за дверями сталъ одинъ часовой. По условію, Норбюта Маразгали съ крикомъ: «Алла!» долженъ былъ кинуться на этого часового и обезоружить его, остальные должны были захватить ружья и перебить конвой. Норбюта такъ и сдѣлалъ—съ крикомъ «Алла!» обезоружилъ и умертвилъ часового; но остальные девятнадцать человѣкъ, бывшіе въ заговорѣ, въ рѣшительную минуту, очевидно, дрогнули и, не захвативъ ружей, кинулись вразсыпную бѣжать, куда глаза глядятъ. Побѣжали въ томъ числѣ и Усанбай съ Марасиломъ. Конвой, опомнившись, выскочилъ изъ этапа и началъ стрѣлять въ бѣглецовъ. Норбюта былъ тутъ же, у порога этапа, поднять на штыки. Бѣглецовъ затрудняли тяжелые кандалы, висѣвшіе у всѣхъ на но-

гахъ; кусты были не близко. Только троимъ удалось скрыться; остальные шестнадцать всѣ были перестрѣяны и переколоты. Усанбай былъ раненъ въ ногу и упалъ; но, когда выстрѣлившій въ него солдатъ подбѣжалъ и хотѣлъ заколотъ его штыкомъ, онъ поднялся на ноги и отнялъ ружье. Между ними завязалась отчаянная рукопашная схватка, въ которой Маразгали такъ больно прохватилъ зубами руку солдата, что тотъ съ крикомъ убѣжалъ прочь. Но тутъ подоспѣли другіе конвойные и штыками и прикладами прикончили его. Такъ, по крайней мѣрѣ, сами они думали. По словамъ Маразгали, онъ больше сутокъ пролежалъ въ безпамятствѣ, а когда очнулся на вторую ночь, то сообразилъ, что надъ тѣлами убитыхъ стоитъ часовая, и что малѣйшій стонъ можетъ его погубить. Шестнадцатилѣтній мальчикъ, тяжело раненый, умиравшій отъ нестерпимой жажды и боли, имѣлъ силу воли не издать ни единого звука, не сдѣлать ни одного движенія до тѣхъ поръ, пока еще черезъ сутки не пріѣхалъ изъ Вѣрнаго докторъ и не сталъ свидѣтельствовать убитыхъ. Только тутъ Маразгали простоналъ и пошевелился. Но даже и тогда озвѣрѣвшіе солдаты кинулись къ нему и, навѣрное, добились бы, если бы не докторъ. Избиты были даже и тѣ двѣнадцать человѣкъ, которые не дѣлали попытки къ побѣгу и все время оставались въ этапѣ. Вмѣстѣ съ ними Маразгали отвезенъ былъ въ Вѣрный и помѣщенъ въ лазаретъ; а тѣмъ временемъ, пока онъ болѣлъ и поправлялся, военно-судная комиссія судила его и, принявъ во вниманіе несовершеннолѣтіе и увлекающій примѣръ отца и старшаго брата, прибавила восемь лѣтъ каторги...

Выздоровѣвъ, Маразгали опять былъ записанъ въ партію и отправился по старой дорогѣ. На третьемъ станкѣ, гдѣ происходилъ побѣгъ и гдѣ были убиты отецъ и братъ, онъ такъ горько плакалъ, что возбудилъ состраданіе даже конвоя. Старшій (тотъ самый, что былъ и въ тотъ разъ) подошелъ къ нему и сказалъ:

— Моли Бога, Маразгали, что нѣтъ здѣсь кой-кого изъ тогдашнихъ солдатъ! Они и теперь еще прикончили-бъ тебя... Зачѣмъ ты бѣгалъ?

— Я плакалъ и ничего не могъ говорить. Старшій жалѣлъ меня и говоритъ: пойдемъ, Маразгали, могила смотрѣтъ, гдѣ Норбюта и Маразиль лежатъ. Я пошелъ. Ахъ, сколько я плакалъ! Я взялъ тряпочка земля сыпайтъ... та земля, гдѣ отецъ лежитъ... и всегда ее тутъ носійтъ.

И Маразгали показывалъ мнѣ мѣшочекъ, висѣвшій у него на груди, въ которомъ былъ зашитъ драгоцѣнный песокъ.

Часто, лежа на нарахъ съ заложенными подъ голову руками, онъ напѣвалъ грустнымъ речитативомъ на тотъ манеръ, какимъ вообще читають магометане Коранъ, какую-то жалобу-молитву, сложенную однимъ сартомъ-муллою, шедшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ каторгу. Къ сожалѣнію, я не помню ея дословно, хотя Маразгали и не разъ переводилъ мнѣ эту прекрасную, истинно-поэтическую пѣсню; но каждый разъ, какъ я слышалъ ея монотонный, горькій напѣвъ, у меня разрывалось сердце отъ тоски и боли.

«Мы покинули нашу родину, женъ, матерей, дѣтей и братьевъ,—говорилось въ пѣснѣ муллы,—мы покинули наши прекрасныя поля, гдѣ растутъ джугара, рисъ и марена, гдѣ спѣеть и наливаются сладкій урюкъ... Боже! не оставь насъ, не забудь на чужбинѣ!»

«Страшна чужбина, куда мы идемъ, гдѣ безжалостный врагъ закуеть насъ въ цѣпи, заключить въ мрачныя подземелья, заставить работать тяжкую работу... Никто не придетъ насъ утѣшить... Великій Боже! Не оставь же хоть Ты насъ на чужой сторонѣ, не забудь насъ!»

«Въ страшную годовщину разлуки, когда наши жены и матери будутъ оплакивать насъ, какъ мертвыхъ, рвать на себѣ волосы, царапать лицо до крови и призывать Тебя въ свидѣтели своего горя,—Великій Отецъ! сосчитай ихъ и наши слезы, вспомни о насъ на чужбинѣ!»

Выше я упоминалъ уже о томъ, что съ дороги Маразгали писалъ матери, и письмо это она, будто бы, возвратила ему со словами, что его сочинилъ какой-то «мошенчикъ», что Норбюта и Марасиль живы... По прибытіи въ каторгу, Усанбай послалъ ей второе письмо, въ которомъ повторялъ свои грустныя новости и просилъ имъ вѣрить, и ровно черезъ восемь мѣсяцевъ, уже при мнѣ, получилъ его обратно съ надписью Маргеланской почтовой конторы: «за неявкой адресата письмо возвращается». Эти два обстоятельства: «невѣріе» матери и ея «неявка» ужасно смущали и огорчали Маразгали, и онъ часто спрашивалъ меня:

— Почему мать не вѣрить? Почему не приходитъ? «За неявкой»—какой неявка? Зачѣмъ?

Я самъ былъ, какъ въ темномъ лѣсу, и тщетно старался со-
ставить себѣ по неяснымъ и сбивчивымъ разговорамъ Маразгали
какое-нибудь представленіе о почтовыхъ порядкахъ въ Ферган-
ской области. Бѣдняга ровно ничего не зналъ, а я зналъ только
фактъ, что никому изъ его земляковъ, которымъ я писалъ пись-
ма, ни разу не приходило съ родины отвѣта *). Наконецъ, Усану
первому пришла въ голову мысль, что мать, можетъ быть, умерла...
Тогда я предложилъ ему сдѣлать еще одну попытку послать
письмо на имя одного изъ дядей, Пирмата, который жилъ въ той
же деревнѣ, но по торговымъ дѣламъ часто ѣздилъ въ Маргеланъ
и имѣлъ тамъ большія связи. Чтобы окончательно обез-
печить успѣхъ, я вызвался въ контору къ самому Лучезарову и,
обрисовавъ ему всю трагичность положенія Маразгали, просилъ,
въ виду исключительности этого положенія, разрѣшить написать
письмо по-татарски. Къ удивленію моему, Лучезаровъ, почти не
колеблясь, далъ разрѣшеніе: ему, видимо, польстило мое обра-
щеніе къ его гуманнымъ чувствамъ... Мы съ Маразгали торже-
ствовали.

Въ ближайшее воскресенье мулла Сафарбаевъ написалъ подъ
нашу диктовку письмо на татарскомъ языкѣ; я, съ своей сторо-
ны, самымъ точнымъ образомъ надписалъ на конвертѣ адресъ и
въ самое письмо тоже вложилъ конвертъ съ точнымъ адресомъ
Маразгали. Однимъ словомъ, все, казалось, было разсчитано и
застраховано. Письмо было отправлено заказной почтой, и кви-
танція его сберегалась самымъ тщательнымъ образомъ. Остава-
лось терпѣливо дожидаться отвѣта. Почти каждый вечеръ съ тѣхъ
поръ мы мечтали о томъ, какъ получить письмо дяди Пирматъ,
какъ немедленно извѣститъ о немъ мать Усанбая, какъ послѣдняя
будетъ рада и поспѣшитъ отвѣтить. Но, увы! дни шли за днями,
мѣсяцы за мѣсяцами, а отвѣта почему-то не приходило... И Ма-
разгали впалъ въ мрачное отчаяніе...

*) Объясняется это, по всей вѣроятности, дальностью разстоянія поч-
товыхъ станцій отъ мѣстожительства родни, живущей гдѣ-нибудь въ
глуши, въ деревнѣ, а еще больше—незнаніемъ ею русскаго языка. Иногда,
получивъ даже письмо отъ сына или брата съ каторги, узбекъ или сартъ
не найдетъ никого, кто бы могъ не только написать отвѣтъ, но и про-
честъ самое письмо, написанное обыкновенно варварски-безграмотно и
неразборчиво. А писать изъ тюрьмы или получать не по-русски писан-
ныя письма арестантамъ запрещается.

— Вся померь, вси!..—говорилъ онъ, ломая руки:—и мать померь, и дядя померь... Никто не остался!

Даже какое-то озлобленіе по временамъ овладѣвало имъ.

— Зачѣмъ, Николаичикъ, мать не вѣрить, почта не ходитъ? Зачѣмъ мать родилъ меня? Надо убійтъ мать, убійтъ!

— Что ты говоришь, Усанбай, Богъ съ тобой!

— Богъ тобой, Богъ тобой... Какой Богъ? Гдѣ Богъ? Зачѣмъ Богъ каторга дѣлалъ?

Я не зналъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ, а Маразгали гострестно прицелкивалъ, по своему обыкновенію, языкомъ и, упавъ на постель, предавался «хапá». Такъ называлъ онъ свой мрачный сплинъ, въ которомъ находился иногда по нѣскольку дней, когда ничто не могло его занять и развеселить, когда все свободное отъ работы время онъ лежалъ, какъ пласть, на нарахъ, закрывшись халатомъ, тяжело вздыхая и все думая, думая... Старикъ Гончаровъ хорошо переводилъ это «хапа» русскимъ словомъ «думка»... Однажды вечеромъ онъ былъ особенно грустенъ, и когда я присталъ къ нему съ неотступными вопросами, объяснилъ мнѣ:

— Ахъ, Николаичикъ! Сегодня мать плячетъ... Сегодня я ѣхалъ каторга... Отецъ, братъ... Мать кричалъ, плакалъ... Ахъ!

И вдругъ, всплеснувъ руками, самъ засыпалъ меня вопросами:

— Зачѣмъ, скажи, Николаичикъ, человѣкъ на свѣтъ приходитъ? Зачѣмъ каторга на свѣтъ? Зачѣмъ урешь законъ нехорошій? Наша сторона законъ лютче: убилъ человѣкъ — самъ земля кушай! Башка рубить! Коль сажайтъ! А то каторга... Мучиться, плякать... Ахъ! Нашъ законъ лютче... Умирайтъ надо, Николаичикъ!

Онъ глядѣлъ на меня глазами, полными слезъ, и я пришелъ въ ужасъ при мысли, что для Маразгали и, дѣйствительно, нѣтъ впереди лучшаго исхода... Но я утѣшалъ его, какъ могъ, стараясь разогнать черныя мысли о смерти и направить ихъ въ другую сторону.

А «хапа» продолжалась, становясь тѣмъ мрачнѣе и упорнѣе, чѣмъ ближе подходило лѣто, чѣмъ ярче зеленѣли за стѣнами тюрьмы сопки и сильнѣе доносился до насъ аромать расцвѣтшаго шиповника и лиловаго богульника. Здоровье Маразгали совсѣмъ пошатнулось; онъ все лѣто кашлялъ, иногда даже кровью, и хватался за бокъ, жалуясь на боль.

— Маразгали,—говорили ему даже надзиратели:—чего бы тебѣ къ фершалу хвостомъ не ударить? Дуракъ ты этакой, вѣдь изведешься совсѣмъ.

— Не хочу холстомъ, — отвѣчалъ онъ, печально улыбаясь:— скажутъ—холстобой, холстобой Маразгали! Не хочу.

И нерѣдко мнѣ приходилось, противъ его воли и желанія, просить фельдшера освободить его на нѣсколько дней отъ работы. Тогда онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ гдѣ-нибудь на дворѣ, на солнцѣ, кутаясь въ халатъ и предаваясь своимъ мрачнымъ думкамъ. Къ концу лѣта, однако же, онъ поправился, повеселѣлъ и опять сдѣлался на время душою камеры и всей тюрьмы. Опять возился, боролся, шутилъ съ арестантами, надрывался на работѣ. Вернулся и надежда получить письмо съ родины...

— Спой-ка что-нибудь, Усанка, — говорили ему, шутя, арестанты, и онъ начиналъ читать на распѣвъ свое любимое:

— Бала мене джинка,
Бала мене любка..
Я поѣхалъ въ лѣсъ по дрова,
Шизая голубка.

Далѣе онъ не зналъ словъ этой пѣсни, да не понималъ смысла и того куплета, который зналъ; но тѣмъ милѣе звучали въ его устахъ эти перековерканные слова и тѣмъ больше вызывали смѣху.

— Нѣтъ, ты «старушку» спой, настоящимъ манеромъ спой, да попляши!

Маразгали, краснѣя, отказывался. Тогда кто-нибудь изъ бойкихъ входилъ въ середину собравшейся вокругъ него толпы и начиналъ плясать и пѣть:

А старушкѣ сорокъ лѣтъ,
Молодушкѣ году нѣтъ!

Услыхавъ знакомый и любимый мотивъ, Маразгали не выдерживалъ и тоже начиналъ подтягивать и очень мило покачиваться, топчась на мѣстѣ, на подобіе того, какъ ходятъ дѣвушки въ хороводахъ, въ довершеніе сходства помахивая при этомъ платочкомъ.

Ой, старушка постарѣла,
Молодая, подбодрись!..

Кто-нибудь третій прихлопывалъ въ тактъ ладошами.

Но вдругъ, замѣтивъ по близости меня или кого-нибудь изъ надзирателей, любующихся его пѣніемъ и пляской, Маразгали страшно конфузился, обрывалъ пѣсню на полусловѣ и, сопровождаемый общимъ хохотомъ, убѣгалъ къ себѣ въ камеру...

Онъ находился въ непрерывномъ движеніи. Сейчасъ можно было встрѣтить его въ корридорѣ борющимся съ кѣмъ-либо изъ арестантовъ, или весело напѣвающимъ свое «Балà мене джинка, балà мене любка»; черезъ минуту—увидѣть сидящимъ за книжкой, или вяжущимъ себѣ татарскую феску изъ моихъ старыхъ шерстяныхъ носковъ; а еще черезъ минуту—гуляющимъ по двору и съ любопытствомъ наблюдающимъ за ласточками, вьющимися около своихъ гнѣздъ. Но вотъ вниманіе его привлечено молодымъ голубемъ, усѣвшимся на тюремномъ крыльцѣ и изъ-за деревянной колонки не замѣчающимъ приближенія человѣка. Мгновенно Усанъ преобразается: изогнувшись, какъ кошка, вытянувъ впередъ голову и одну руку, а другую какъ-то странно закинувъ назадъ, онъ осторожными, неслышными шагами по песку двора подкрадывается къ намѣченной жертвѣ. Лицо его приняло хищное выраженіе, глаза горятъ, какъ у звѣренка, въ которомъ пробудился охотничій инстинктъ, и весь онъ превратился изъ деликатнаго и мягкосердечнаго Маразгали, котораго я знаю и такъ люблю, въ первобытнаго дикаря, кровожаднаго сына степеней... Одинъ мигъ—и зазѣвавшійся голубокъ трепещется въ его цѣпкой рукѣ, громко бьетъ крыльями и пускаетъ по двору пухъ. Праздно бродившіе по угламъ арестанты, привлеченные шумомъ, бѣгутъ на мѣсто дѣйствія и смѣхомъ и восклицаніями привѣтствуютъ Усанкину ловкость. Я тоже подхожу, недовольный жестокой игрой, придуманной моимъ ученикомъ, и готовый прочесть ему нравоученіе... Но оно оказывается уже лишнимъ—Маразгали опять весь преобразился: онъ такъ нѣжно прижимаетъ къ своему лицу перепуганную птичку, съ такой лаской и осторожностью проводитъ рукой по ея перышкамъ, и лицо его сіяетъ такой мягкостью и любовью, что готовый сорваться упрекъ застываетъ на моихъ губахъ. И прежде, чѣмъ я успѣваю окончателно приблизиться, Маразгали, поднявъ голубка кверху, разжимаетъ ладонь. Оторопѣвшій плѣнникъ, будто, раздумываетъ нѣсколько секундъ, но затѣмъ стрѣлой взвивается къ небу и начинаетъ тамъ радостно кружиться, провожаемый ликующимъ хохотомъ кобылки и внимательными сіяющими взорами Маразгали...

Однако, я съ затаенной тревогой слѣдилъ за этимъ видимымъ воскресеніемъ, опасаясь, что оно лишь временное и продлится недолго. И, дѣйствительно: благодаря своей неосторожности на работахъ, отъ которой я безсиленъ былъ уберечь его, въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда наступила гнилая сѣверная осень, вѣтреная, то со снѣгомъ, то съ дождемъ, то съ внезапнымъ морозомъ, Маразгали сильно простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Пьяница-фельдшеръ не хотѣлъ было класть его въ лазаретъ и все допрашивалъ меня: чего я такъ хлопочу объ этомъ «звѣреншѣ»? Но я пригрозилъ, что пожалуюсь начальнику тюрьмы, и тогда, вѣря преувеличеннымъ слухамъ о моемъ вліяніи на послѣдняго, онъ немедленно исполнилъ всѣ мои желанія. Впрочемъ, если Маразгали и перенесъ счастливо эту болѣзнь, то единственно благодаря могучей природной организаціи, а отнюдь не заботливости или искусству этого темнаго эскулапа. Съ своей стороны, я дѣлалъ все, что могъ, для Маразгали, дѣлясь съ нимъ тѣмъ, что самъ имѣлъ, и все свободное время просиживая близъ его койки. Говорить ему много нельзя было, но онъ глядѣлъ на меня теплыми, благодарными глазами и ласково улыбался. Однажды онъ спросилъ меня шепотомъ:

— Я не умру, Николаичикъ, нѣтъ?

Я посиѣшилъ, разумѣется, дать отрицательный отвѣтъ и даже размѣялся дѣланымъ смѣхомъ, хотя въ душѣ далеко не былъ увѣренъ, что опасности нѣтъ,—и Маразгали горячо пожалъ мою руку. Онъ перенесъ эту тяжелую болѣзнь, но потомъ часто мнѣ признавался, что сильно боялся смерти и страстно хотѣлъ остаться жить...

Между тѣмъ, въ моей головѣ созрѣлъ планъ освободить Маразгали изъ каторги и вернуть на родину. Планъ этотъ состоялъ въ подачѣ на Высочайшее имя прошенія отъ имени Усанбая, съ изложеніемъ всей его плачевной исторіи, безъ малѣйшихъ прикрасъ и оправданій. Мнѣ представлялось яснымъ, какъ Божій день, что если только прошеніе дойдетъ до Петербурга и будетъ тамъ прочитано,—свобода Маразгали обезпечена. Придя къ этому убѣжденію, я рѣшился опять прибѣгнуть къ «гуманнымъ» чувствамъ браваго штабсъ-капитана. На этотъ разъ Лучезаровъ удивился моей просьбѣ и прежде всего выразилъ сомнѣніе, чтобы попытка могла имѣть успѣхъ.

— Такихъ просьбъ тысячи пишутся, — сказалъ онъ, — и изъ тысячи на одну обращаютъ вниманіе.

Я отвѣчалъ, что эта именно просьба и можетъ быть одной изъ тысячъ, такъ какъ я глубоко увѣренъ въ ея правотѣ и законности. Лучезаровъ пожалъ плечами.

— Да какая ему польза будетъ?—продолжалъ онъ еще отговаривать:—вѣдь онъ... все равно же умретъ? Вѣдь у него чуть ли не чахотка?

На это я возразилъ, что всѣ люди смертны, и, тѣмъ не менѣе, каждый думаетъ о лучшемъ будущемъ.

— Ну, что же,—рѣшилъ, наконецъ, Лучезаровъ:—сочиняйте, пожалуй... Я прикажу потомъ своему писарю переписать по настоящему.

Вернувшись въ тюрьму, я немедленно написалъ прошеніе, переливъ на бумагу, казалось мнѣ, лучшую часть своей сердечной крови... Лучезаровъ, прочитавъ, выразилъ полное одобреніе:

— Сильное у васъ перо, сильное!

И еще разъ подтвердилъ обѣщаніе отдать прошеніе писарю для переписки и отправить затѣмъ, куда слѣдуетъ.

Послѣ этого мы предалися съ Маразгали мечтамъ еще болѣе радужнымъ, чѣмъ въ тотъ разъ, когда писали къ дядѣ Пирмату. Мы рѣшили, что ровно черезъ годъ, слѣдующей осенью, долженъ получиться отвѣтъ изъ Петербурга... Въ томъ, что отвѣтъ будетъ благопріятный, я не сомнѣвался ни на минуту и старался увѣрить въ томъ же и своего друга. Но однажды мы чуть серьезно не поссорились. Еще разъ (кажется, уже въ десятый разъ) заставивъ Усана рассказать исторію убійства киргиза, я впервые обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что онъ подалъ отцу шашку, и мнѣ показалось, что раньше онъ скрылъ отъ меня это важное обстоятельство.

— Зачѣмъ же ты раньше молчалъ?—разсердился я.—Вотъ, царь и скажетъ теперь, прочитавъ прошеніе, что ты лжешь, потому что въ дѣлѣ отыщется другой твой же рассказъ.

Маразгали ужасно огорчился.

— Я говорилъ Николаичикъ, говорилъ,—шепталъ онъ, оправдываясь и глядя на меня умоляющимъ взоромъ:—ты забылъ...

— Нѣтъ, ты скрылъ, Усанъ, скрылъ и этимъ, можетъ быть, повредилъ себѣ!

Но тутъ за Маразгали вступились другіе арестанты, много разъ, подобно мнѣ, слышавшіе его рассказы о своемъ прошломъ и подтвердившіе, что онъ всегда упоминалъ о шашкѣ, и я напрасно обвиняю его во лжи.

Маразгали съ упрекомъ взглянулъ на меня.

— Вотъ видишь, вотъ видишь, — вскричалъ онъ радостно: — Маразгали говорилъ... Онъ ничего не пряталъ!

Я былъ пристыженъ... И хотя Усанъ тотчасъ же простилъ и забылъ мою несправедливость, но имъ овладѣло уже безпокойство о томъ, ладно ли написано прошеніе. Съ большимъ трудомъ я его успокоилъ, сообразивъ и самъ, что допущенная мною неточность, бывшая скорѣе простымъ умолчаніемъ, нежели ложью, ни въ какомъ случаѣ не могла повліять на неблагопріятный исходъ дѣла.

Незабвенные вечера, полные вѣры и счастья! Мы оба такъ живо рисовали себѣ, что вотъ уже пришло Маразгали полное помилованіе, и онъ ѣдетъ домой, въ свой теплый и свѣтлый Маргеланъ... Онъ находитъ тамъ живой и здоровой мать и всѣхъ родныхъ и собственной рукой пишетъ мнѣ обо всемъ подробныя письма... Наши мечты забѣгаютъ иногда такъ далеко, что уже и я выхожу на поселеніе и ѣду къ нему же, Маразгали, въ его Маргеланъ; онъ угощаетъ меня урюкомъ, рисомъ и жирной бараниной, и мнѣ до того приходится по вкусу Ферганская область, что я самъ рѣшаюсь тамъ навсегда поселиться... Въ концѣ концовъ Маразгали женилъ меня на узбечкѣ и плясалъ на моей свадьбѣ... Наивныя золотыя мечты! Что случилось съ вами?

Между тѣмъ, бравый штабсъ-капитанъ съ своей стороны хотѣлъ выказать Маразгали благоволеніе и въ самый день Нового года объявилъ о выпускѣ въ вольную команду, до которой по закону ему оставалось еще около года. Выпускъ этотъ для обоихъ насъ былъ такъ неожиданъ, что Маразгали въ первыя минуты совсѣмъ растерялся, хотя, видимо, всетаки обрадовался... Обрадовался и я...

Однако, вспомнивъ, что намъ приходится разстаться, Маразгали внезапно омрачился и сталъ меня увѣрять, что не радъ вольной командѣ, что тюрьма лучше. Я утѣшалъ его и, пожимая руку, все повторялъ:

— Помни, Усанъ, что я говорилъ тебѣ: не играй въ карты, не пей водки, не бѣги! Убѣжишь—тогда все пропадетъ, ни дома, ни матери не увидишь, потому что все равно тебя поймають. Жди лучше отвѣта на прошеніе.

— Лядно, лядно, Николаичикъ... Будь здоровъ!

И мы разстались.

Къ сожалѣнію, жизнь Маразгали въ вольной командѣ сложилась въ высшей степени неудачно. Не было тамъ руки, которая бы оберегала его отъ всего злого и темнаго. Прежде всего у него установились дурныя отношенія съ русскими вольнокомандцами-товарищами. Многіе и въ тюрьмѣ уже съ завистью поглядывали въ послѣднее время на то, что, благодаря дружбѣ со мной, онъ находился въ лучшемъ матеріальномъ положеніи и жилъ, «словно баринъ какой». Не нравилось нѣкоторымъ и то, что я написалъ ему прошеніе, тогда какъ многимъ русскимъ отказывался писать.

— Чѣмъ онъ лучше насъ, татарскій змѣennyшъ? Вѣдь каждому на волю-то хочется.

Путемъ разныхъ темныхъ слуховъ и сплетенъ недоброжелательство это перенеслось и за стѣны тюрьмы: говорили, что Усанкъ самъ начальникъ покровительствуетъ, и что тутъ дѣло не просто, — что онъ «язычкомъ, видно, ударять умѣетъ»... Начались мелкія придирки и преслѣдованія. Представляю себѣ, что должна была выстрадать гордая душа Усанбая, терпя эти неправыя обиды и нападки; представляю себѣ и дикія вспышки его чисто-восточнаго гнѣва, во время которыхъ онъ и въ тюрьмѣ бывалъ страшень... Такъ, помню одну стычку его съ Тараканымъ Осердіемъ изъ-за какого-то злополучнаго мѣшка, полученнаго изъ стирки: Тараканье Осердіе признавало его своимъ, а Маразгали указывалъ на какой-то значекъ зубами, сдѣланной имъ на мѣшкѣ въ видѣ мѣтки. Сначала шло простое словесное перекосердіе, причемъ оба соперника держались обѣими руками за спорную вещь; но потомъ Маразгали внезапно вспыхнулъ, какъ огонь, и вслѣдъ затѣмъ смертельно поблѣднѣлъ... Руки задрожали и судорожно сжались... Онъ былъ живописень въ эту минуту со своей поднятой гордо головой и страшно потемнѣвшими глазами... Тараканье Осердіе выпустило мѣшокъ изъ рукъ и, шамкая про себя какія-то ругательства, отступило... Могу, поэтому, вообразить, какъ бѣгалъ однажды Маразгали съ ножомъ въ рукѣ за вольнокомандцемъ, который обозвалъ его самымъ ужаснымъ для cadaго арестанта словомъ,значающимъ шпіона... Насилу удержали его и успокоили.

Естественно, что при такихъ условіяхъ онъ принужденъ былъ отдалиться отъ русскихъ и тѣсно сплотиться съ кучкой своихъ единовѣрцевъ - магометанъ. Жизнь шелайскихъ вольнокомандцевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была далеко хуже жизни тюремныхъ арестантовъ: заработать копѣйку было негдѣ и нечѣмъ, и прихо-

дилось питаться, какъ и въ тюрьмѣ, одной казенной баландой, не имѣя ни чаю, ни сахару; а уроки казенной работы были подчасъ тяжелѣе и больше. На Маразгали свалили ночной караулъ у амбаровъ съ арестантскими вещами и продуктами. Ему приходилось бодрствовать по ночамъ въ жестокіе январскіе и февральскіе морозы, да и днемъ еще быть на посылушкахъ у надзирателей. Бѣдняга вскорѣ совсѣмъ изморился и началъ опять усиленно кашлять. Въ довершеніе злключеній, въ началѣ великаго поста съ нимъ случилось несчастье. Злобная и метительная кобылка рѣшила подвести его, и вотъ, замѣтивъ однажды подь утро, что Маразгали задремалъ на своемъ посту, кто-то утащилъ нѣсколько гирекъ изъ-подъ казенныхъ вѣсовъ. Проснувшись и замѣтивъ покражу, онъ началъ умолять арестантовъ вернуть гирьки; но негодяи не сжалились и даже успѣли донести эконому о пропажѣ. Послѣдній, впредь до рѣшенія начальника, когорый еще спалъ, приказалъ Маразгали идти въ тюремный карцеръ.

Я былъ въ рудникѣ въ то время, когда его привели, а вернувшись съ работъ, узналъ уже о постановленіи держать Маразгали подь арестомъ пять сутокъ. Каждый день посылалъ я заключенному черезъ парашниковъ табакъ и сахаръ и узнавалъ отъ нихъ, что здоровье его совсѣмъ плохо, что онъ лежитъ, не поднимая головы, и, по временамъ, только тихо стонетъ. На четвертый день ареста я еле уговорилъ фельдшера навѣстить Маразгали въ карцерѣ, и даже этотъ сомнительный представитель медицины нашелъ необходимымъ просить у Лучезарова разрѣшенія немедленно перевести его въ лазаретъ. Во время этого перевода я и увидалъ Маразгали, и съ трудомъ узналъ. Мой бѣдный ферганскій орелъ, что съ тобой осталось?..

Онъ показался мнѣ какимъ-то оципаннымъ, полинялымъ, постарѣлымъ и невыразимо жалкимъ! Желтый, блѣдный и грустный, онъ съ трудомъ улыбнулся мнѣ и кивнулъ головою; онъ едва переставлялъ ноги; волосы были всклокочены и влажны отъ лихорадочнаго пота. Даже одежда имѣла самый плачевный видъ: скомканная шапчонка, разорванный халатъ и рыжія дырвявы бродни...

Въ лазаретѣ его помѣстили въ отдѣльную маленькую каморку, и все свободное время я опять проводилъ съ нимъ. Признаюсь: теперь я временами даже желалъ ему смерти... Чего могъ, въ самомъ дѣлѣ, ждать онъ отъ жизни? Что еще могла она ему

дать, кромѣ новаго горя, обидъ и лишеній? Самъ Маразгали, по-видимому, былъ въ конецъ истомленъ, и той молодой жизнерадостности, той безконечной жажды — во что бы ни стало существовать, какія замѣчались въ немъ во время первой болѣзни, теперь не было и слѣда. Но я старался отгонять прочь эти мрачныя думы и недобрыя желанія, старался увѣрить все-таки и себя, и больного, что онъ не умретъ и на этотъ разъ. И иногда, благодаря моимъ рѣчамъ, въ немъ опять вспыхивалъ огонекъ надежды; но чаще онъ грустно качалъ головой, въ отвѣтъ на всѣ мои увѣренія, и горько улыбался. Все время онъ не переставалъ кашлять кровью. Однажды я засталъ его въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Онъ ждалъ меня и обратился ко мнѣ со страстными упреками.

— Зачѣмъ я не бѣжалъ, Николаичикъ? Зачѣмъ слушалъ тебя? Зачѣмъ ты говорилъ?..

И слезы хлынули градомъ...

Вскорѣ послѣ этого Усану стало, какъ-будто, лучше. Когда пріѣхалъ, наконецъ, тюремный врачъ, очередного посѣщенія котораго (разъ въ полгода) давно уже тѣтено ждали въ нашемъ рудникѣ,—въ немъ возродилась настоящая надежда, и, приподнявшись съ постели, онъ, казалось, съ мольбой устремилъ на него взоръ. Но докторъ, — подлинно каторжный докторъ! — едва взглянулъ на больного и, махнувъ рукой, пошелъ вонъ. Я не вытерпѣлъ и подошелъ со словами:

— Ради Бога, докторъ, осмотрите получше этого мальчика... Быть можетъ, еще возможно что-нибудь сдѣлать.

Докторъ нахмурился.

— Братъ? Родственникъ?

— Нѣтъ, но судьба этого юноши такъ трогательна...

— Будь она вдвое трогательнѣе, медицинѣ тутъ нечего дѣлать. Если бы можно было въ Италію, или на островъ Мадеру, ну, тогда... Но въ каторгѣ...

— Но вы же его не осматривали?

— То есть, это... что же такое? Учить меня? Служителя, больничные служителя! Господинъ фельдшеръ! Съ какой стати ходить сюда посторонній народъ? Здѣсь не театръ, а больница! Здѣсь не трактиръ! Больные нуждаются въ спокойствіи!

Я пожалъ плечами и вышелъ.

Наступила новая весна. Прилетѣли первые ея вѣстники—маленькія вертявья плиски. Солнышко начало пригрѣвать сильнѣе. На крышахъ ворковали голуби; весело летали и чирикали повсюду забіяки-воробыи. На сопкахъ показалась зеленая травка, и Маразгали сталъ выходить на дворъ грѣться на солнышкѣ. Возродились мечты о домѣ и матери...

— Николаичикъ, я видѣлъ сегодня,—сказалъ онъ однажды,—ночью видѣлъ... сартанка... Красивый, красивый!

Онъ прицѣкнулъ даже языкомъ для лучшаго опредѣленія красоты видѣнной во снѣ сартянки — и вдругъ страшно переконфузился, покраснѣлъ и укрылъ голову желтымъ больничнымъ халатомъ.

— Я выпишусь скоро, Николаичикъ, ей-Богъ, выпишусь! Смотри: я совсимвъ здоровъ, совсимвъ. Только вотъ тутъ немножко болитъ... тутъ... вотъ какъ это мѣсто... Чортъ знайтъ, что тамъ болитъ? Сердце болитъ, печенка болитъ? Чортъ знайтъ!

Порывы жизнерадостности проходили, и ихъ смѣняла тупая, ничѣмъ не интересующаяся апатія, когда даже въ самые солнечные и теплые дни я не могъ уговорить его покинуть душную больницу и выйти на свѣжій воздухъ. Тогда пугалъ его самый легкій вѣтерокъ, и ни птички, ни солнышко, ни первые цвѣты—ургуй *), которые я приносилъ ему изъ рудника, не могли развѣять его мрачнаго сплина. Внѣшній видъ тоже быстро ухудшался. Тѣло превратилось въ настоящій скелетъ; въ лицѣ не было ни кровинки, на губахъ только играла порой кровь, да глаза горѣли особенно яркимъ огнемъ и необыкновенно расширились. Онъ догоралъ, какъ свѣча...

Разъ я засталъ его разбирающимъ передъ осколкомъ зеркала волосы на головѣ. Увидавъ меня, онъ хрипло засмѣялся.

— Смотри, Николаичикъ, смотри: сидой... И тутъ сидой, и тутъ... Весь волосъ—старикъ!..

— А сколько тебѣ лѣтъ, Маразгали?

— Богъ знайтъ. Судился Маргеланъ—шестнадцать лѣтъ... Судился Вѣрный — два годъ прошло... Дорога одинъ годъ... Алгачи сидѣлъ—еще годъ... Здѣсь—еще полтора годъ.

— Значитъ, тебѣ двадцать два года.

*) Ургуй—забайкальскій поденѣжникъ, красивый, довольно крупный цвѣтокъ: пять лиловыхъ лепестковъ съ желтымъ глазкомъ по срединѣ.

— Да, двадцать два. Кто знаетъ? Мать знаетъ...

И при послѣднемъ словѣ онъ горько задумался.

Я давно уже чувствовалъ нѣкоторый упадокъ собственныхъ силъ и рѣшилъ, пользуясь этимъ предлогомъ, самому записаться въ больницу, предвидя близость роковой развязки и желая находиться послѣдніе дни при своемъ любимцѣ. Лампада угасала быстро, масло было на исходѣ...

Въ послѣдніе дни умирающій говорилъ со мной о Богѣ, спрашивалъ, куда попадетъ онъ — въ бегіишъ — рай, или джагенѣмъ — адъ? Увидитъ ли отца и брата? Увидитъ ли мать? За послѣднее онъ особенно боялся, такъ какъ въ Коранѣ, по его словамъ, ничего не упоминалось о будущихъ судьбахъ женщинъ...

Утромъ послѣдняго дня онъ еще разъ оживился, привсталъ на койкѣ и началъ яркими красками описывать Маргеланъ, восхищаясь его сладкимъ урокомъ, рисомъ и проч., при чемъ нѣсколько разъ прищелкнулъ даже языкомъ.

— Наша сторона, Николаичикъ, тоджи трава есть: всякая болѣзнь лечитъ, всякая болѣзнь!.. Ахъ, здѣсь нѣтъ такой трава... А эти лекарства... Чортъ знаетъ, ничего не помогайтъ, ничего!

И онъ опять прищелкнулъ языкомъ, чтобы лучше выразить свои горестныя чувства по этому поводу. Не зная, что отвѣтить, я нашелъ почему-то нужнымъ сообщить одну слышанную мною новость, будто на Кавказѣ устраивается каторжная тюрьма для южныхъ инородцевъ, которые не въ силахъ выносить холоднаго сибирскаго климата. Услыхавъ это, онъ, какъ будто, обрадовался.

— Это хорошо, — сказалъ онъ серьезно: — Кавказъ хорошо.

И, улегшись снова, завернулся съ головой въ одѣяло. Я вышелъ. Въ два часа дня пришелъ ко мнѣ больничный служитель Дорожкинъ, улыбаясь.

— Вотъ чудакъ этотъ Усанка! Сейчасъ зоветъ меня: «Давай, говорить, ѣсть! Теперь много ѣсть буду... Больше, больше всего тащи!» Я натащилъ ему яицъ, хлѣба... и онъ цѣлыхъ три яйца съѣлъ и большущій ломоть чернаго хлѣба. Теперь спать легъ.

Я разсердился на Дорожкина:

— Съ ума вы сошли! Что вы надѣлали? Вѣдь черныи хлѣбъ можетъ повредить...

Дорожкинъ засмѣялся.

— Ему-то повредить?! Да вы что? Сами-то въ себѣ-ль вы? Все

равно вѣдь не сегодня—завтра помретъ. Пушай на дальнюю дорогу провіантомъ запасается.

Я замолчалъ. Черезъ часъ Дорожкинъ снова вошелъ.

— Теперь скоро конецъ!

Я встревожился.

— Почему вы такъ думаете?..

— Потому одѣяло зачалъ дергать и руками въ воздухѣ что-то ловить. Ужь это вѣрный знакъ, будьте надежны...

Съ сильно бьющимся сердцемъ пошелъ я къ Маразгали и, не заходя въ комнату, сталъ слѣдить въ открытую дверь. Лежа на койкѣ лицомъ къ стѣнѣ и, казалось, съ раскрытыми глазами, по временамъ онъ, дѣйствительно, хваталъ что-то въ воздухѣ лѣвой рукой... Я тихо окликнулъ его—онъ не отозвался.

На вечерней повѣркѣ онъ былъ еще живъ и, внезапно поднявшись, заговорилъ что-то на своемъ языкѣ.

— Чего ты, Маразгали?—спросилъ надзиратель.

— Ничего, лядно,—отвѣчалъ онъ и опять легъ. Это были послѣднія его слова.

Заглядывая робко въ дверь, мы долго еще видѣли, что онъ дышетъ. Уставъ отъ томительно-долгаго ожиданія, я задремалъ на своей койкѣ. Около полуночи Дорожкинъ разбудилъ меня.

— Кончился!..

— Не можетъ быть?.. — вырвался у меня совершенно произвольный крикъ, котораго Дорожкинъ не удостоилъ даже отвѣтомъ, и я поспѣшилъ за нимъ въ комнату Маразгали. Нѣсколько больныхъ арестантовъ уже толпились около тѣла, тщетно стараясь закрыть широко раскрытые, точно удивленно глядѣвшіе глаза. Я возмутился этой поспѣшностью и, отогнавъ прочь непрошенныхъ опекуновъ, взялъ исхудалую, какъ спичка, блѣдную, свѣсившуюся съ койки руку—она показалась мнѣ еще теплой. Я посмотрѣлъ въ глаза, но они не глядѣли уже осмысленно и казались стеклянными. Усанбай Маразгали окончилъ земное странствіе!

Дорожкинъ началъ суетиться вокругъ мертвеца.

Одна черта поразила меня въ этомъ старомъ бродягѣ, не признававшемъ ничего святого и ничего къ мірѣ не чтившемъ: довольно грубый и часто невыносимо-придирчивый въ обращеніи съ больными, теперь, по отношенію къ мертвому, онъ обнаруживалъ какую-то странную, почти материнскую нѣжность и заботливость.

— Ну, вотъ, гол-у-бчикъ!—приговарилъ онъ, надѣвая на тѣло

чистую рубаху,—увидишь теперь и Маргеланъ свой, и мать... Никто тебя больше не обидитъ, въ тюрьму не посадить!

Между тѣмъ, загремѣлъ замокъ, и въ больницу съ шумомъ вошли фельдшеръ и нѣсколько надзирателей, которымъ было уже дано знать о смерти арестанта...

Маразгали похороненъ на тюремномъ кладбищѣ, недалеко отъ дороги, по которой каторжная кобылка ходитъ въ рудникъ. Надъ его могилой нѣтъ креста, и зимой она вся бываетъ занесена снѣгомъ, а лѣтомъ густо покрыта цвѣтами богульника и томительно-душистаго шиповника. Какіе сны грезятся тебѣ, мой дорогой, бѣдный мальчикъ? Нашелъ ли ты хоть здѣсь, въ этой темной могилѣ, успокоеніе отъ своей неисцѣлимой тоски по далекой родинѣ? И если да, то не лучше ли, что ты умеръ въ то время, когда жизнь не успѣла еще ожесточить тебя и загрязнить твой чистый, прекрасный образъ?..
